

© 2009 г.

А.И. БОРОЗНЯК

ГРУППА "БЕЛАЯ РОЗА": ГЕРМАНСКИЕ АНТИНАЦИСТЫ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ

В последнем столетии немцы и русские на собственной шкуре ощутили свою совместную историю. Современность, обжигающая нас огнем, требует, чтобы мы начали извлекать уроки из нашего прошлого. Иначе у нас не будет будущего.

Лев Копелев¹

Мюнхен, Гешвицер-Шолль-плац, университет имени Людвиг и Максимилиана. Войдя в здание, мы попадаем в огромный, на три этажа в высоту, вестибюль, освещаемый через стеклянный потолок. На гранитной стене, рядом с мраморной белоснежной розой, шесть барельефов, шесть имен: студенты Ганс Шолль, Софи Шолль, Александр Шморелль, Кристоф Пробст, Вилли Граф, профессор Курт Хубер. Римская цифра MCMXLIII – год их смерти на гильотине. Именно здесь 18 февраля 1943 г. с высокой балюстрады были сброшены прокламации с призывом к немецкой молодежи "подняться ради мести и искупления, чтобы испепелить своих мучителей". Именно здесь нацисты арестовали брата и сестру Шолль.

ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ

Память о "Белой розе" была и остается существенно важным компонентом германского исторического сознания, живой легендой, символом германского Сопротивления. Десятки улиц, площадей и школ в Западной и Восточной Германии, престижная литературная премия носят имя Софи и Ганса Шоллей. Об их жизни и смерти написаны роман, поэмы, стихотворения, сняты художественные и документальные фильмы, поставлены драматические и оперные спектакли, исполнены оратории. Тексты воззваний "Белой розы" воспроизведены на страницах немецких школьных хрестоматий. В Мюнхене успешно действует фонд "Белая роза". Исследования и документальные издания о группе студентов-антифашистов могут составить солидную библиотеку².

Борозняк Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета, член Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений.

¹ *Kopelew L.* Nicht vergessen, nicht verdrängen. – Stalingrad – eine deutsche Legende. Reinbek, 1992, S. 8.

² *Гинцберг Л.И., Дабкин Я.С.* Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры. М., 1961; *Petry Ch.* Studenten aufs Schafott. Die Weiße Rose und ihr Scheitern. München, 1968; *Jahnke K.-H.* Weiße Rose gegen Hakenkreuz. Der Widerstand der Geschwister Scholl und ihrer Freunde. Frankfurt a.M., 1969; Wir schweigen nicht! Die Geschwister Scholl und ihre Freunde. Eine Dokumentation über den antifaschistischen Kampf Münchener Studenten 1942/43. Berlin, 1972; *Дробини К.* Антифашистская группа "Белая роза". (Новые материалы). – Новая и новейшая история, 1979, № 3; *Scholl I.* Die Weiße Rose. Frankfurt a.M., 1993; Hochverrat? Die "Weiße Rose" und ihr Umfeld. Konstanz, 1993; Hochverrat? Neue Forschungen zur "Weißen Rose". Konstanz, 1999; "Weitertragen". Studien zur "Weißen Rose". Festschrift für A. Knoop-Graf zum 80. Geburtstag. Konstanz, 2001; "Wider die Kriegsmaschinerie". Kriegserfahrungen und Motive des Widerstandes der "Weissen Rose". Essen, 2005.

Но история "Белой розы", уверена сестра Вилли Графа, содержит в себе немало загадок и вопросов, на которые пока нет полных ответов³. Вряд ли можно считать случайным, что до сих пор в историографии ФРГ нет солидного монографического исследования о деятельности мюнхенских студентов-антифашистов⁴. Очевидно, причины тому состоят как в сугубо фрагментарном и явно неполном характере документальных источников (эпистолярное наследие Шолля и Графа, мемуарные свидетельства, следственные дела), так и в прямом и косвенном длительном воздействии на образ "Белой розы" идеологического противостояния, характерного для "холодной войны". Необходимо, прежде всего, дать обстоятельный ответ на вопрос о мотивах самоотверженной борьбы участников "Белой розы".

Известно трагическое предсказание немецкой писательницы Анны Зегерс, вложенное ею в уста одного из героев романа "Седьмой крест" (1939 г.): "Ничья земля разделит два поколения, и через нее опыт прошлого уже не сможет перейти в будущее... Из земли вырывают все лучшее, что на ней произрастало, а детям внушают, что это плевелы. И все эти парни и девушки в городах и селах, пройдя через гитлерюгенд, трудовую повинность и армию, уподобятся детям из сказки, которых выкормили звери, а они потом растерзали собственную мать"⁵.

Частью биографий молодых участников "Белой розы" были и гитлерюгенд⁶ (только Вилли Граф избежал членства в нацистской молодежной организации), и трудовая повинность, и служба в вермахте. Но почему же они, пройдя сквозь все предписанные круги идеологической и моральной обработки, стали, в отличие от миллионов сверстников, убежденными противниками гитлеризма, вышли с ним на неравную борьбу и были растерзаны тоталитарным режимом? Что побудило молодых людей из кружка "Белой розы", выросших в благополучных бюргерских семьях и получивших лучшее по тем временам образование, бросить мужественный и смертельно опасный вызов всемогущему рейху? Что разжигало в них "искру мучительного сомнения"⁷, о которой писала Инга Шолль – старшая сестра Ганса и Софи?

Уже в первые послевоенные годы раздавались предупреждения о возможном "формировании легенды" вокруг деятельности "Белой розы"⁸. И такая легенда появилась. Характер протеста студентов-антифашистов интерпретировался в литературе как исключительно этический и религиозный, но отнюдь не политический⁹. П. Штайнбах и И. Тухель отмечают, что акции "Белой розы" были "деполитизированы, вырваны из исторического контекста и сведены к проявлениям христианской жертвенности"¹⁰. Почти во всех работах о "Белой розе" мы находим указания на религиозные корни антифашистского сознания ее участников. Эти положения не нуждаются в доказательствах: достаточно обратиться к текстам листовок, выпущенных студентами. Но, говоря о "христианстве действия"¹¹, присущего "Белой розе", следует отметить, что в группу входили представители трех основных течений современного христианства: брат и

³ Knoop-Graf A. "Jeder einzelne trägt die ganze Verantwortung". Willi Graf und die Weiße Rose. Berlin, 2001, S. 13.

⁴ На это обстоятельство указывают историки германского Сопротивления П. Штайнбах и И. Тухель. – Steinbach P., Tüchel J. Von "Helden" und "halben Heiligen". Darstellungen und Wahrnehmungen der Weißen Rose 1943 bis 1948. – "Weitertragen". Studien zur "Weißen Rose", S. 115.

⁵ Zeger A. Седьмой крест. М., 1970, с. 146.

⁶ В 1936 г. Шолль был одним из знаменосцев на съезде нацистской партии в Нюрнберге.

⁷ Scholl I. Op. cit., S. 17.

⁸ Voßler K. Gedenkrede für die Opfer an der Universität München. München, 1947, S. 19.

⁹ "Отчаянно-идеалистическими" назвал мотивы выступления "Белой розы" германский публицист И. Фест (Fest J. Staatsstreich. Der lange Weg zum 20. Juli. München, 2004, S. 7). Характерно суждение историка военной медицины В. Бугса: "Остается неясным, что побудило студентов к самоубийственным акциям. Вероятно, это было озорство, возникшее под воздействием нараставшей конспиративной изоляции". – Buge W. Unternehmen Aesculap. Die Studenten-Kompanien der Wehrmacht 1939–1945. Osnabrück, 1995, S. 62.

¹⁰ Steinbach P., Tüchel J. Op. cit., S. 108.

¹¹ Knoop-Graf A. Op. cit., S. 11.

сестра Шолли были протестантами, Шморелль принадлежал к православной общине, Граф и Хубер исповедовали католицизм, Пробст принял католичество в тюрьме за несколько часов до казни.

Одной из причин, приведших к их открытому противостоянию режиму, явилось то, что мюнхенские студенты-антифашисты находились в поле воздействия русской культуры, русской гуманистической мысли. Без этого невозможно объяснить то влияние, которое оказало на идеологию и деятельность "Белой розы" пребывание Шолля, Графа и Шморелля на Восточном фронте летом и осенью 1942 г. в составе "студенческой медицинской роты", равно как и катастрофы вермахта под Сталинградом.

Признание значимости российского фактора пришло в германскую историографию "Белой розы" совсем недавно и стало одним из проявлений сдвигов в общественном сознании, связанных с окончанием "холодной войны". Были опубликованы документальные материалы, находившиеся в закрытых прежде архивохранилищах СССР и ГДР. Следственные дела Ганса и Софи Шоллей и Кристофа Пробста содержались в секретном архиве министерства госбезопасности ГДР. Протоколы допроса Александра Шморелля попали в Москву в качестве военного трофея и были включены в фонды бывшего "Особого архива", само существование которого являлось государственной тайной. Почему за семью печатями оказались материалы о деятельности мюнхенских антифашистов? Потому что их идеи и действия не соответствовали искусственной модели германского Сопротивления, в которой не было места людям и организациям, несогласным с советским режимом или неподконтрольным руководству Коммунистической партии Германии.

Заслуга публикации комплекса документов, связанных с судом над Шмореллем¹², принадлежит оренбургскому историку и публицисту И.В. Храмову. Образцовая в археографическом и полиграфическом отношении билингва (немецкие оригиналы текстов воспроизведены факсимильно) вводит в исследовательский оборот важный корпус источников по истории германского Сопротивления¹³. Очевидно, впервые научная публикация, осуществленная в современной России, вызвала общественный резонанс в Германии. "Франкфуртер алльгемайне" констатирует, что изданная в Оренбурге книга "прославляет человека, которым в одинаковой степени могут гордиться как Россия, так и Германия, который одновременно был германским подданным и русским патриотом"¹⁴. Особую значимость имеет оценка специалиста по истории Второй мировой войны Г. Юбершера, который считает, что публикация следственного дела Шморелля "позволяет сделать выводы не только о его роли в группе мюнхенских студентов, но и о мотивах его борьбы против режима Гитлера, о его политических представлениях, о его тесных связях с Россией"¹⁵.

"НИКАКАЯ СТРАНА НЕ СМОЖЕТ ЗАМЕНИТЬ МНЕ РОССИЮ"

Александр Шморелль, сын врача-немца Гуго Шморелля и дочери православного священника Натальи Введенской, родился в Оренбурге 16 сентября 1917 г.¹⁶ Его мать

¹² Издатель документального сборника использует транскрипцию "Шморель".

¹³ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо. Февраль–март 1943 г. Alexander Schmorell. Gestapo-Verhörprotokolle. Februar-März 1943. Оренбург, 2006. Следственные дела участников "Белой розы" (как и другие документальные источники подобного рода) – это материал, который требует к себе весьма деликатного подхода. В вопросах следователей и ответах арестованных отразились как интересы нацистских дознавателей, так и стремления узников уберечь своих соратников или себя. Познавательная ценность следственных дел "Белой розы" очевидна, однако эти материалы следует рассматривать в совокупности с другими источниками.

¹⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 22.XI.2005.

¹⁵ Badische Zeitung, 22.II.2006.

¹⁶ Заслуга разработки первой документально обоснованной биографии Шморелля принадлежит И.В. Храмову. – Храмов И.В. Русская душа "Белой розы". Оренбург, 2001. См. также: Vogel W. Alexander Schmorell und Russland. – "Wider die Kriegsmaschinerie". Мюнхенская исследовательница К. Молль в 1999 г. осуществила публикацию фрагментов переписки Шморелля.

умерла от сыпного тифа, когда Александру (все звали его Алекс или Шурик) было два года. В 1921 г. семья вынуждена была покинуть Россию и обосновалась в Мюнхене. Александр рос как дитя двух культур, ощущал себя русским, читал русские книги, слушал русскую музыку, был прихожанином православного храма. Немалую роль в его духовном формировании сыграла русская няня Феодосия Лапшина, приехавшая в Германию вместе с семьей Шмореллей (под видом их родственницы). Доктор Гуго Шморелль и его дети были близки с жившим до 1938 г. в Мюнхене художником Леонидом Пастернаком.

В 1937 г. Александр закончил гимназию и отправился отбывать обязательную полугодичную трудовую повинность на строительных работах. Здесь, в трудовом лагере, он впервые по-настоящему столкнулся с реальностью нацистской муштры и подавления личности. Постепенно в его душе вызревало чувство ненависти к гитлеровской диктатуре и одновременно осознавалась – как протест против существующих порядков – любовь к первой родине. Эти чувства окрепли позднее во время воинской службы на территории оккупированной Франции.

В июне 1937 г. он пишет (из городка, где он тянул лямку строителя) Ангелике – сестре своего школьного задушевного друга Кристофа Пробста: "Здесьняя жизнь не имеет для меня никакого смысла... День ото дня растет моя ненависть против этих людей, а заодно и против этой страны". Россия ассоциировалась в его сознании со свободой, которую у него отнимают. И в другом письме, также адресованном Ангелике: "Пойми, ты вдаль от всех любящих тебя людей этого мира... Ты вынужден жить в стране, которая тебе не нравится, и долгие-долгие годы не можешь вернуться. Ни на минуту эта мысль не будет оставлять тебя, она будет сопровождать тебя, куда бы ты ни пошел, а любовь к этой мысли будет расти внутри тебя, становиться все больше и больше, переполнять тебя до бесконечности. Так растет моя любовь к России. Никакая страна не сможет заменить мне Россию, будь она столь же красива! Никакой человек не будет мне милее русского человека!" Но каковы были представления Шморелля о России и русских людях? Насколько можно судить по его письмам весны 1941 г., они базировались на двух источниках: на ностальгических рассказах отца и няни о сказочно-патриархальном утраченном прошлом и на произведениях классической русской литературы, прежде всего Ф.М. Достоевского. Александр искренне считал, что там, на далекой родине, "все было столь богатым и столь прекрасным, как только может мечтать об этом человек с щедрой фантазией. Мозги европейца не могут понять этого"¹⁷.

Еще один фрагмент из переписки: "Я люблю Россию, ее широкие степи, которые останутся такими навеки, ее леса и горы, над которыми не властен человек. Я люблю русских, то русское начало, которое нельзя отнять у людей до самой их смерти. Их сердце, их душа, которые невозможно охватить умом, а только представить себе и почувствовать, – это их неотъемлемое богатство. Произведения Гоголя, Тургенева, Чехова, Толстого, Лермонтова, Достоевского"¹⁸. В круге чтения Шморелля неизменно находились "Братья Карамазовы" и "Дневник писателя". "Сейчас я в плену дневников Достоевского, – писал Александр. – Удивительно, но я нахожу в них самого себя, мои собственные мысли, мои суждения"¹⁹. Накануне казни, отвечая на вопросы следователя, Александр говорил: "Я немало занимался русской литературой и должен сказать, что я много узнал о русском народе, что укрепило мою любовь к нему"²⁰.

¹⁷ Цит. по: *Moll Ch. Alexander Schmorell im Spiegel unveröffentlicher Briefe. – Hochverrat? Neue Forschungen zur "Weißen Rose"*, S. 138–139.

¹⁸ *Ibid.*, S. 146. Бросается в глаза органическая, никак не подражательная, близость восприятия России у Шморелля и у поэта Эриха Марии Рильке, для которого наша страна навсегда стала "духовной родиной", "основой жизнепереживания и живневосприятия", сохраняющей "неотчужденную сущность человека". – *Rilke und Rußland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte*. Berlin, 1986.

¹⁹ Цит. по: *Moll Ch. Op. cit.*, S. 151.

²⁰ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, с. 31.

Суждения Шморелля вызывающе контрастировали с шаблонными утверждениями гитлеровской пропаганды о "недочеловеках, зараженных большевизмом", о русской душе как проявлении "примитивного славянства"²¹. Александр смог заразить симпатией к России Кристиана Пробста, а позднее Ганса Шолля и Вилли Графа, сумел пробудить у них тягу к русской культуре, к изучению русского языка. На них неизгладимо воздействовала атмосфера русской классики. Ощущение приверженности к России было у Шморелля сильнее и глубже, чем у самых близких друзей. Он хорошо понимал это: "Я чувствую, что я другой, чем окружающие; другой, чем мои друзья. И я не могу сказать, в чем состоит это отличие. Знаю только, что моя душа свободна и ее нельзя сломить силой"²².

В очерке Инги Шолль, первое издание которого вышло в 1952 г., с явным сочувствием говорилось о русском происхождении и о прорусской позиции Шморелля²³, но в атмосфере "холодной войны" упоминать об этом в ФРГ считалось неуместным. К тому же в немецкую историографию и публицистику прочно вошло словосочетание "Geschwister Scholl" ("брат и сестра Шолль"), ставшее прямым синонимом "Белой розы" и, вольно или невольно, оставлявшее в тени фигуры не только Шморелля, но и Графа, Хубера, Пробста.

Ганс и Александр, будучи студентами медицинского факультета, были призваны в армию и в 1940 г. участвовали (в качестве санитаров) в военных действиях во Франции. Осенью 1940 г. они продолжили обучение в Мюнхенском университете, но на особых условиях – в составе военизированной "студенческой медицинской роты".

"ВСЕ ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ"

Преступная агрессия против его родины ввергла Александра в состояние душевного смятения. "Ты можешь себе представить, – писал он 4 июля 1941 г. Ангелике Пробст, – что радости покидают меня, когда я слышу о происходящем на Востоке. Ты ведь понимаешь, что там все поставлено на карту"²⁴. Во время допроса в гестапо он признавал, что его поступками двигала "озабоченность судьбой двух народов"²⁵. Александр говорил на следствии: "Я открыто признаюсь в своей любви к России. В то же время я отрицаю большевизм. Моя мать была русской, я там родился и не могу не симпатизировать этой стране. Я открыто признаю себя приверженцем монархизма, что относится не к Германии, а к России. Когда я говорю о России, то я вовсе не хочу прославлять большевизм или считать себя его сторонником. Я имею в виду только русский народ и Россию. По этой причине у меня вызывает чрезвычайное беспокойство война, которая происходит между Германией и Россией"²⁶. В представленном Шмореллем следствию "Политическом заявлении" он утверждал: "Вы можете представить себе, какую боль я испытывал, когда началась война против России, против моей родины. Разумеется, там господствует большевизм, но она остается моей родиной, а русские остаются моими братьями"²⁷. Его отношение к советской системе оставалось непримиримо критическим, но он никогда не считал, что Гитлер избавит русский народ от сталинизма.

Вилли Граф со студенческой скамьи был призван в вермахт и до апреля 1942 г. участвовал в военных действиях против Советского Союза. Для него, любящего и знающего русскую культуру, это было потрясением. 29 июня 1941 г. он писал своей по-

²¹ Wette W. Das Rußlandbild in der NS-Propaganda. Ein Problemaufriß. – Das Rußlandbild im Dritten Reich. Köln, 1994. S. 73, 68.

²² Цит. по: Fürst-Ramsdorf L. Freundschaften in der Weißen Rose. München, 1995, S. 22.

²³ Scholl I. Op. cit., S. 26–27.

²⁴ Цит. по: Moll Ch. Op. cit. S., 148.

²⁵ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, с. 61.

²⁶ Там же, с. 29.

²⁷ Там же, с. 95.

друге Марии Херфельдт: "Я до последней минуты не верил, что именно таким образом мы окажемся в России"²⁸. Он занес в дневник следующую запись: "Зима в России со всем тем, что я должен был увидеть и пережить, приобрела для меня глубокий смысл. Все еще не очень ясно, но я убежден, что происходит некое внутреннее развитие, что я стал старше"²⁹. По возвращении в Мюнхен Графа не оставляла тревожная память: "Мои мысли возвращаются на Восточный фронт, в ту страну, положение которой столь безутешно, но которая вопреки всему идет своим путем"³⁰. Он метался в поисках выхода из кризисного состояния: "Душа закована в кандалы... Ни о чем нельзя говорить"³¹. Говорить о трагических событиях войны и быть понятым стало возможным тогда, когда он летом 1942 г. был зачислен в "студенческую медицинскую роту" и нашел общий язык с Шоллем и Шмореллем.

Свой опыт постижения России и русского характера приобрела и Софи Шолль. После гимназии она отбывала обязательную трудовую повинность на военном заводе в родном городе Ульме. У соседних станков гнули спину русские женщины, насильно угнанные в Германию и подвергавшиеся систематическим издевательствам. "Рядом со мной трудится русская девушка, – писала Софи. – Угрозы и крики вызывают у нее только усмешку... Я рада, что наши рабочие места рядом, я пытаюсь хотя бы немного выправить ее представления о немцах"³².

На выбор пути Ганса Шолля немалое влияние оказали идеи русских мыслителей-эмигрантов Ф.А. Степуна и Н.А. Бердяева. Посредником между ними и Шоллем был Карл Мут – католический философ и публицист, издатель журнала "Хохланд", запрещенного в июле 1941 г. После закрытия журнала, когда ученый уже утратил надежду, началась дружба 75-летнего Мута и 23-летнего Шолля, который вызвался осуществить разбор библиотеки опального мыслителя. Здесь Шолль подробно ознакомился с комплектами запрещенного издания, с опубликованными на его страницах статьями Степуна и Бердяева, с их книгами, изданными на немецком языке (до 1933 г. в Германии, а затем в Австрии). В апреле 1942 г. Ганс сообщал: "Мой самый верный друг – Карл Мут, я бываю у него каждый день"³³. В декабре 1941 г. Шолль писал Муту: "Война ужасна – Молох, который исподволь вползает в души людей и стремится их уничтожить. И это делало меня все более одиноким... Но именно в это время произошла моя встреча с Вами. На душе стало светлее, и шоры спали с моих глаз"³⁴.

Деятельность Степуна была неразрывно связана с Германией³⁵. Он родился в семье российских немцев, учился в Гейдельберге, получил после изгнания из Советской России кафедру в Дрезденской высшей технической школе. В 1937 г. был изгнан из Дрездена "за русофильство и жидофильство", за то, что он "не хочет и не может понять мыслящий мир национал-социализма, не говоря уже о том, чтобы его пропагандировать". Но его на всякий случай не тронули – "как арийца и антибольшевика". Степун получил возможность преподавать в Мюнхене. В статьях, опубликованных в парижских журналах "Новый град" и "Современные записки", он писал о победе "нового варварства", об "антихристианском духе фашизма", о его "внутренней лжи". Он был убежден, что демократия возможна только "через свободу и только через нее", толь-

²⁸ Graf W. Briefe und Aufzeichnungen. Frankfurt a.M., 1984, S. 127.

²⁹ Gewalt und Gewissen. Willi Graf und die "Weiße Rose". Eine Dokumentation. Freiburg, 1964, S. 63.

³⁰ Graf W. Op. cit., S. 157.

³¹ Цит. по: Bald D. "Die Welt im Krieg". Zur Deutung des Widerstandes von Willi Graf. – "Wider die Kriegsmaschinerie", S. 105.

³² Vinke H. Das kurze Leben der Sophie Scholl. Ravensburg, 1986, S. 129.

³³ Scholl H., Scholl S. Briefe und Aufzeichnungen. Frankfurt a.M., 1988, S. 103.

³⁴ Ibid., S. 94.

³⁵ Кантор В.К. Степун в Германии. – Вестник Европы, 2001, № 3; Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884–1945. Berlin, 2001.

ко через "единство истины, свободы и личности"³⁶. В июне 1941 г. Степун, вразрез с позицией ряда влиятельных русских эмигрантов, выразил поддержку Красной Армии.

Выдающийся немецкий философ Ханс-Георг Гадамер вспоминал о воздействии Степуна на собеседников: "Это была необыкновенная личность. От него исходила колоссальная энергия... Степун был человеком присутствия. Когда он говорил, стены тряслись"³⁷. Личные встречи Степуна и Ганса Шолля оказали на мюнхенского студента значительное влияние. Шолль писал сестре Элизабет в феврале 1942 г.: "Недавно я познакомился с очень значительным русским философом, с Федором Степуном. Он, воплощающий в себе философию истории, принадлежит к людям, которые возвышаются над временем"³⁸.

В октябре 1941 г. Ханс Шолль так начинает одно из писем своему другу Отлю Айхеру: "Мой самовар уютно гудит". И в этом же послании он сообщает о чтении книг Бердяева "Новое средневековье" и "О назначении человека"³⁹. Через месяц он пишет о впечатлении, произведенном на него "Новым средневековьем", и обращается к Айхеру (служившему в оккупационных войсках во Франции) с просьбой отыскать в Париже Бердяева и передать ему привет от Мута⁴⁰.

В июне 1942 г. Шолль и его товарищи сближаются с профессором Мюнхенского университета, специалистом по философии и этнологии Куртом Хубером. Неизгладимое впечатление на них произвел его лекционный курс "Лейбниц и его время", в котором с гуманистически-религиозных позиций трактовалось происхождение зла в истории, категорий свободы и ответственности. В лекциях Хубера едва ли не открыто отвергались расистские теории нацизма. Не меньшую роль играло человеческое общение с профессором, который читал им письма своих бывших студентов с Восточного фронта. В этих посланиях содержались сведения о кровавых расправах с евреями, о русских пленных, которые "знают, что никто из них не останется в живых"⁴¹.

"МЫ – ВАША НЕСПОКОЙНАЯ СОВЕСТЬ"

На полях одной из книг Бердяева сохранилась надпись Шолля со словами из Евангелия от Матфея: "Ибо все, взявшие меч, мечом и погибнут. Год войны – 1941-й"⁴².

Конец 1941 и начало 1942 гг. стали переломными для мировоззрения будущих участников "Белой розы". Тогда и созрела непреклонная решимость словом и делом бороться с нацистским режимом. В январе 1942 г. в одном из писем Шолль называет себя "homo viator" – человек в пути⁴³. Но это относилось не только к нему. В ходе напряженного интеллектуального диалога зрела решимость выйти за пределы изолированного круга, передать соотечественникам свое понимание неотвратимости борьбы против фашизма. Исподволь формировался кружок единомышленников, который не являлся организацией в обычном смысле этого слова. Не было ни ячеек, ни формального членства. Существовала группа молодых людей, выходцев из кругов просвещенного бюргерства, которых связывали многообразные общие интересы, узы личной дружбы, готовность сопротивляться нацистскому режиму. Эта группа была окружена десятком-другим людей, бескорыстно, порой с риском для жизни, оказывавших помощь Шоллю и его товарищам.

«Летом 1942 г., – говорил Александр Шморелль на допросе в гестапо, – Ханс Шолль и я решили издать листовку, направленную против национал-социализма. Каждый из

³⁶ Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000, с. 539–547.

³⁷ Малахов В.С. Беседа с Хансом-Георгом Гадамером. Русские в Германии. – Логос, 1992, № 3, с. 228–232.

³⁸ Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 98.

³⁹ Ibid., S. 83–84.

⁴⁰ Ibid., S. 88.

⁴¹ Bald D. Die "Weiße Rose". Von der Front in den Widerstand. Berlin, 2003, S. 42.

⁴² Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 316.

⁴³ Ibid., S. 97.

нас занялся написанием проектов, которые мы потом сравнили. Результатом сопоставления наших мыслей стала листовка "Белая роза"⁴⁴. И далее: "Мы исходили из того, чтобы наши листовки попали в руки тому кругу лиц, который мог бы симпатизировать нашей деятельности"⁴⁵.

За две недели с конца июня до середины июля 1942 г., Шморелль и Шолль подготовили и размножили на пишущей машинке (тираж – около 100 экземпляров) четыре выпуска прокламаций, подписанных именем "Белая роза". Листовки запечатывались в конверты и распространялись по почте. Адресатами этих обращений были представители немецкой интеллектуальной элиты, с которыми студенты говорили на привычном им языке, включавшем латинские афоризмы в оригинале, пространные цитаты из Библии (Книга Екклесиаста), из сочинений Аристотеля, Лао-цзы, Гёте, Шиллера, Новалиса. Студенты-антифашисты искренне верили, что немецкая интеллигенция несет особую ответственность перед народом, и пытались достучаться до ее сознания⁴⁶.

Высокий пафос авторов прокламаций был обращен против "безответственной и преступной клики", против "бича человечества – фашизма", виновного "в духовном и экономическом порабощении Германии, в уничтожении нравственных и религиозных ценностей", в развязывании агрессивной войны, в геноциде против евреев Европы⁴⁷. Студенты убеждали предполагаемых читателей: "Каждый немец должен стремиться не к военной победе над большевизмом, а к свержению национал-социалистов". Священный долг каждого немца – "уничтожение этих бестий во имя христианской и западной культуры... Мы должны нападать на зло там, где оно сильнее всего, а сильнее всего оно во власти Гитлера".

"Белая роза" призвала немцев прийти к осознанию общей вины: "ваша вина становится все тяжелее и тяжелее: оправдаться нельзя, каждый виновен, виновен, виновен!" Немецкая нация, с горечью говорилось в листовках, "превратилась в бессмысленную робкую толпу, готовую позволить гнать себя до конца". "Белая роза" сурово предупреждала соотечественников: "Мы заслужим участь быть рассеянными по свету, как пыль по ветру, если в этот решающий час не соберемся с силами и не обречем, наконец, мужество, которого нам до сих пор недоставало". Такого рода слова жестокой правды в документах германского Сопротивления встречаются предельно редко.

Особое место среди воззваний "Белой розы" занимает четвертая листовка, выпущенная в середине июля 1942 г. Современные исследователи указывают на содержащиеся в ней прямые совпадения с трагическим высоким слогом Откровения Св. Иоанна⁴⁸. Нацистская диктатура именовалась в прокламации "властью зла, властью падшего ангела, сатаны", а борьба против Гитлера провозглашалась "битвой против демона, против посланца антихриста". Шолль и Шморелль говорили языком Апокалипсиса: "Повсюду, во все времена страшнейших бед, поднимали голову пророки и святые, которые сохранили свою свободу, которые тянулись к единому Богу и с его помощью призывали изменить ход событий".

⁴⁴ Название "Белая роза", очевидно, было продуктом литературных реминисценций. Исследователи указывают на возможные источники: на прозвище персонажа одного из произведений поэта-романтика XIX в. К. Brentano ("Rosa Blanca"), на заглавие романа популярного в 20-е годы XX в. немецкого писателя Б. Травена ("Die Weiße Rose").

⁴⁵ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, с. 35, 37.

⁴⁶ Иллюзии были напрасны: 40 адресатов первой листовки передали свои экземпляры в полицию. В гестапо был составлен подробный список, на основе которого можно установить их профессиональную принадлежность: писатели, университетские профессора, книготорговцы, художники, директора школ, врачи из Мюнхена и окрестностей.

⁴⁷ Тексты четырех листовок "Белой розы", "Воззвания ко всем немцам" и прокламации, обращенной к студентам, приводятся по изданию: Die Weiße Rose. Ausstellung über den Widerstand von Studenten gegen Hitler. München 1942/43. München, 1999, S. 59–72.

⁴⁸ Knab J. "Verhindert das Weiterlaufen dieser atheistischen Kriegsmaschine!". Religion als Leitlinie bei Hans Scholl. – "Wider die Kriegsmaschinerie", S. 50.

За этими словами стоял подлинный Апокалипсис нацистской "войны на уничтожение", когда "третий рейх", казалось, добился решающих успехов в войне, а над судьбой всей мировой цивилизации нависла смертельная угроза. 4 июля 1942 г. пал Севастополь. 10 июля соединения вермахта вышли к Дону, начались бои на подступах к Сталинграду. Русский поэт Александр Твардовский писал об июле 42-го: "Этот месяц был страшен – было все на кону"⁴⁹.

По радио звучали бравурные марши, в киновыпусках "Германского еженедельного обозрения" демонстрировались кадры захваченных русских городов, а мюнхенские студенты предупреждали: "Этот успех – кажущийся, он куплен ценой ужасающих потерь... В России ежедневно гибнут тысячи. Смерть собирает урожай, и ее коса со всего размаху вонзается в спелое жито". Студенты, неискушенные в политике и военном деле, одиночки, отчаянно бросившие вызов режиму, были уверены в неминуемом поражении гитлеровского рейха на полях России. Они оказались более прозорливыми, чем многоопытные генералы и высшие офицеры вермахта, чем многие будущие участники заговора 20 июля 1944 г., которые все еще безоглядно поддерживали Гитлера. Шолль и Шморелль были убеждены: из будущего краха Германии "должен быть извлечен такой урок, чтобы никому и никогда не пришлось в голову повторить содеянное".

Воззвания "Белой розы" вовсе не были, как утверждала в 2005 г. одна из немецких газет, некими "трогательно-интеллигентными призывами, обращенными к нации поэтов и мыслителей"⁵⁰. Последние слова четвертой листовки звучали как грозное предупреждение: «Мы не молчим, мы – ваша беспокойная совесть. "Белая роза" не даст вам покоя».

"ЗДЕСЬ, В РОССИИ, НАХОДИТСЯ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА"

23 июля 1942 г. был оглашен приказ о направлении на Восточный фронт 29 бойцов "студенческой медицинской роты", среди которых были Ганс Шолль, Александр Шморелль и Вилли Граф. Вопреки первоначальному распоряжению об отправке студентов-медиков в расположение 6-й германской армии, наступавшей на Сталинград, маршрут командировки был изменен. С начала августа по конец октября 1942 г. рота находилась на участке обороны 9-й германской армии под Вязьмой и Гжатском (Смоленская область).

Какое воздействие оказала военно-полевая практика на мировоззрение и действия молодых противников нацистского режима? Какую оценку этому короткому периоду деятельности группы антифашистов дает историография ФРГ?

Если в ряде работ о "Белой розе", изданных в 60-е – 80-е годы, и назывались Вязьма или Гжатск, то эта страница биографии Шолля и его товарищей именовалась, как правило, "русским интермеццо", "неполитическим", "романтическим" эпизодом. Автор одной из книг назвал пребывание мюнхенских студентов на Восточном фронте "мирными русскими месяцами", "беззаботным, даже идиллическим временем"⁵¹. Еще одна оценка подобного рода: в России они "бразничали, пели народные песни и играли на балалайке"⁵². Даже К. Петри, внесший серьезный вклад в исследование деятельности студентов-антифашистов, не обошелся без утверждения, что "политическое начало уступило место неполитическому, романтическому восприятию России"⁵³.

Толчком для пересмотра такого рода установок послужила дискуссия вокруг опубликованной в 2003 г. книги мюнхенского исследователя Д. Бальда – первой работы, специально посвященной фронтовой командировке Шолля, Шморелля и Графа⁵⁴. Ав-

⁴⁹ Твардовский А. Т. Книга лирики. М., 1983, с. 252.

⁵⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 22.XI.2005.

⁵¹ Steffahn H. Die Weiße Rose. Mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek, 1992, S. 79, 84.

⁵² Milstein W. Mut zum Widerstand. Sophie Scholl – ein Porträt. Neukirchen, 2004, S. 59.

⁵³ Petry Ch. Op. cit., S. 65.

⁵⁴ Bald D. Die "Weiße Rose". Von der Front in den Widerstand.

тор монографии ввел в оборот значительный массив документальных источников, в том числе многочисленные эпистолярные и мемуарные свидетельства, материалы семейных архивов, акты, хранящиеся в Институте современной истории (Мюнхен), документы командования вермахта о военной ситуации летом и осенью 1942 г. Вывод, к которому пришел Бальд, однозначен: поездка на фронт явилась неотъемлемым этапом деятельности "Белой розы", ее результатом стало "более точное определение представлений участников группы о своих целях и системе ценностей"⁵⁵.

Еженедельник "Цайт" связывал оценку книги Бальда с необходимостью ответа на "вопрос о том, какой опыт участники студенческой группы приобрели в России, и о том, как этот опыт повлиял на их выбор в пользу Сопротивления"⁵⁶. Крупный специалист по истории германского Сопротивления Г. Моммзен отметил, что работа Бальда вносит вклад в «основательное расширение и углубление наших представлений о происхождении и акциях "Белой розы"»⁵⁷. Однако оправдался прогноз одной из немецких газет: книга неминуемо "активизирует прежние дискуссии и развяжет новые споры"⁵⁸. И. Тухель подверг исследованию Бальда жесткой критике. Не ставя в целом под сомнение основной вывод автора, он упрекнул его в некорректном использовании ряда источников, в хронологических неточностях, в недостатке внимания к трудам предшественников⁵⁹. Подводя итог дискуссии, К.-Х. Янке констатировал: "Несмотря на выдвинутые возражения, у меня нет сомнений в особых заслугах Бальда. Я не разделяю утверждений его критиков о том, что в книге недостаточно новых материалов"⁶⁰.

Но вернемся к событиям осени 1942 г. Уже по пути на фронт, находясь в течение двух дней в Варшаве, Шолль, Граф и Шморелль стали свидетелями бесчеловечного обращения полицейских и солдат с польскими евреями и советскими военнопленными. Вспоминая о Варшаве, Шолль писал позднее профессору Хуберу: "Город, гетто и вся обстановка вокруг произвели на нас ужасающее впечатление"⁶¹.

1 августа 1942 г. "студенческая медицинская рота" прибыла к месту дислокации на участок обороны 252-й немецкой дивизии в районе Вязьмы и Гжатска. Практикантов немедленно распределили по полевым лазаретам и перевязочным пунктам: Шолля и Шморелля – в предместье Гжатска, затем в поселок Сосновка, Графа – в деревню Афанасьевка.

Шолль был восхищен невиданными им прежде русскими просторами: "Почва уходит из-под ног, ты падаешь и падаешь, уже не зная, куда... и неожиданно приземляешься мягко, словно на крыльях ангелов, на русской земле – на равнине, принадлежащей только Богу, его облакам и его ветрам"⁶². Шморелль, для которого соприкосновение с родиной было подобно глотку свежего воздуха, писал, повторяя слова

⁵⁵ Ibid., S. 8.

⁵⁶ Die Zeit, 13.II.2003.

⁵⁷ www.aufbau-verlag.de

⁵⁸ Mainpost, 13.II.2003.

⁵⁹ Tuchel J. Neues von der "Weißen Rose"? Kritische Überlegungen zu "Detlef Bald: Die Weiße Rose. Von der Front in den Widerstand". Berlin, 2003.

⁶⁰ Jahnke K.-H. Jüngste Auseinandersetzungen um die Geschichte der Münchener Widerstandsgruppe Weiße Rose. – Informatonen. Studienkreis Deutscher Widerstand 1933–1945, 2004, № 59, S.3. К.-Х. Янке был первым историком, давшим научную интерпретацию командировки участников "Белой розы" на Восточный фронт. – Jahnke K.-H. Zum antifaschistischen Widerstandskampf an der Münchener Universität in den Jahren 1942/43. – Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1965, № 2/3; *idem*. Antifaschistischer Widerstand an der Münchener Universität. Die Studentengruppe Scholl/Schmorell. – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1968, № 7. Янке представлял науку ГДР, и поэтому в ФРГ его работы остались незамеченными. Просьба Янке о доступе к архивным материалам "Белой розы", хранящимся в фондах Института современной истории (Мюнхен), была отклонена дирекцией института.

⁶¹ Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 107.

⁶² Ibid., S. 113.

народной песни: "Прекрасная, божественная Россия! Там, далеко-далеко, где сливаются земля и небо, на краю бесконечного пространства, одиноко стоит березка"⁶³.

Но красоты природы находились в вопиющем контрасте с тем, что происходило на фронте и в прифронтовой полосе. "Студенческая медицинская рота" прибыла на южный фланг затяжного и кровопролитного Ржевского сражения ("Ржевской мясорубки"), в разгар ожесточенных (но не изученных как следует в советской и в российской историографии) боев, вошедших в историю Великой Отечественной войны под названием Первой Ржевско-Сычевской операции (30 июля – 1 октября 1942 г.)⁶⁴.

Замысел Верховного командования Красной Армии заключался в том, чтобы ударами войск Калининского и Западного фронтов разгромить основные силы немецкой 9-й армии, овладеть городами Ржев, Сычевка, Гжатск, Вязьма. Части Красной Армии продвинулись в ходе наступления на 30–40 километров. Был сброшен парашютный десант, активизировались действия партизанских отрядов. Германское командование было вынуждено перебросить в этот район две общевойсковые армии. Но и советские войска не смогли прорвать оборону противника: названные города остались в руках немцев. И все же генералы вермахта оказались не в состоянии осуществить передислокацию войск с этого участка фронта в район Сталинграда.

Передний край немецкой обороны проходил в десяти километрах от окраины Гжатска. Характер военной профессии практикантов не предполагал прямого участия в вооруженной борьбе, им не пришлось идти на сделку с совестью и брать в руки оружие. И все же здесь, в прифронтовой полосе, они ощутили реальную картину войны. Граф записывал сразу по прибытии в Гжатск: "В темноте видны отблески орудийного огня... Невозможно забыть о войне – даже на несколько мгновений"⁶⁵. Шолль сообщал родным: "Севернее и южнее русские наступают большими силами... Каждую ночь русская артиллерия обстреливает Гжатск"⁶⁶.

Немцы несли значительные потери. Раненых привозили из-под Ржева и Юхнова, где шли кровопролитные бои. В августе 252-я дивизия потеряла десятую часть личного состава⁶⁷. Студенты сутками дежурили в операционных, в палатах для раненых и инфекционных больных. Упоминания об этом в дневниках и редких письмах домой предельно лаконичны. Шолль: "Раненые из Ржева, где русские в двух местах прорвали фронт"; "Ежедневно десять смертных случаев, считается, что это немного. Никто не поднимает шума"⁶⁸. Граф: "Раненые и больные из Ржева"; "У хирургов много работы"⁶⁹.

Вопреки суровым запретным приказам командования, мюнхенские студенты искали контактов с русскими людьми. Проводником и переводчиком неизменно был Шморелль. Унтер-офицер в униформе вермахта ощущал себя частью России. "Когда я впервые увидел их глаза, – писал Александр о русских жителях, – когда я впервые заговорил с этими людьми, я почувствовал, что весь излучаю энергию"⁷⁰. Восприятие Шмореллем, Шоллем и Графом России поначалу было сугубо литературным. Едва ли не в каждом русском они искали Митю Карамазова, Федю Протасова или лесковского "очарованного странника". Разумеется, не находили...

Дневник Шолля содержит поэтическое описание православной воскресной церковной службы в Вязьме, проходившей на фоне непрерывного гула артиллерийской канонады: "Хотелось плакать от радости, сердце освобождалось от оков, хотелось лю-

⁶³ Цит. по: Bald D. Die "Weiße Rose". Von der Front in den Widerstand. S. 118.

⁶⁴ Сандалов Л.М. На московском направлении. М., 1970; Герасимова С.А. Первая Ржевско-Сычевская наступательная операция 1942 года (новый взгляд). – <http://rshew-42.narod.ru>

⁶⁵ Gewalt und Gewissen, S. 79.

⁶⁶ Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 107, 110.

⁶⁷ О боевых действиях 252-й немецкой дивизии в окрестностях Гжатска см.: Шейдербауер А. Жизнь и смерть на Восточном фронте. Взгляд со стороны противника. М., 2008, с. 28–49.

⁶⁸ Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 106, 127.

⁶⁹ Vogel W. Op. cit., S. 83.

⁷⁰ Цит. по: Bald D. Die "Weiße Rose". Von der Front in den Widerstand. S. 108.

бить и смеяться. Я видел, как над этими униженными людьми витает ангел"⁷¹. Ганс писал своему другу: "Я благодарен Господу за то, что оказался в России"⁷². Его восприятие России было неразрывно сопряжено с ненавистью к злу, воцарившемуся в Германии: "Почки нашей фантазии, которые в Германии не выносят солнца, здесь вдруг распускаются и расцветают... Весь мир охвачен пламенем. И война доводит все до крайности: с одной стороны, человеческая глупость и трусость, высокое благородство, с другой". И здесь же прямые обвинения, адресованные соотечественникам, подержавшим Гитлера: "Сколько же ограничен народ, который называет великим Фридриха II? Народ, который сражался против Наполеона за свою свободу и предпочел ей прусское рабство... Нет, немцы неисправимы. В них глубоко сидит фальшь"⁷³.

В письмах студентов, которые не должны были тревожить родных и к тому же были рассчитаны на военную цензуру, перед нами возникает едва ли не идиллическая картина общения с русскими. Шолль: "По вечерам мы приходим к русским, вместе пьем шнапс и поем песни"⁷⁴. Граф: "Мы частенько поем с крестьянами или слушаем, как они поют и играют. Так немного забываешь все печальное, с которым так часто приходится встречаться... Я узнал этих людей и научился их ценить"⁷⁵. Шолль называет своих знакомых по именам: Марушка, Дмитрий, Борис. Шморелль упоминает о Зине, Вале, Нелли. Граф – о Вере и "тете Наташе". Кто они, эти парни и девушки? Это санитары и санитарки, которые отнюдь не добровольно были приписаны к германской воинской части в связи с большим количеством поступавших с линии фронта раненых немецких солдат. Вечеринки, пение песен – все это нередко происходило за колючей проволокой. Граница между действительностью войны и иллюзией продолжающейся обычной жизни оказывалась весьма зыбкой.

Как бы мимоходом об этом в дневнике Графа: "Вечером мы подсаживаемся к русским в их бараках и слушаем песни их родины. Лица их расслабляются, взгляд теряет вдали. Одни начинают, другие подхватывают – это впечатляет... Тогда ненадолго забываешь о всем печальном и ужасном, что окружает нас. Чудесные вечера мы проводили с русскими, и это тогда, когда лишь изредка смолкает гул винтовочных и оружейных выстрелов. Вокруг нас два мира"⁷⁶. Конечно же, возможности общения с местным населением оставались достаточно ограниченными. И еще одно обстоятельство: как окружающие относились к русским девушкам, поющим песни вместе с немецкими солдатами?

С одной стороны, впечатления о вечерах с песнями. А с другой – мюнхенские студенты воочию увидели то, о чем они прежде знали только понаслышке: лагеря для советских военнопленных, реквизиции продовольствия, сгон на принудительные работы жителей Гжатска и окрестных сел (детей при этом оставляли в качестве заложников). Шолль, в словах которого сливались и ужас перед увиденным, и сострадание, и надежда на будущее России, писал, обращаясь к профессору Хуберу: "Невозможно передать то, что обрушилось на меня сразу после переезда через русскую границу... Россия во всех отношениях так велика, и почти безгранична любовь к ней со стороны ее жителей. Война прошла по России подобно урагану. Но после грозы вновь засияет солнце. Беда коснулась всех людей, но она объединит их. Они вновь будут смеяться"⁷⁷. Трагизм ситуации отражен в дневниковых записях Графа, который открыл для себя не только "русское сердце, которое мы любим", но – "ненависть, яростная неприязнь по отношению к немцам"⁷⁸.

⁷¹ Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 115–116.

⁷² Ibid., S. 131.

⁷³ Ibid., S. 125, 129.

⁷⁴ Ibid., S. 107.

⁷⁵ Graf W. Op. cit. S. 166–167, 169.

⁷⁶ Ibid., S. 63.

⁷⁷ Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 107.

⁷⁸ Graf W. Op. cit., S. 167, 393, 67.

На страницах дневника Шолль сравнивал себя с Достоевским, который побывал в "мертвом доме" и ощутил страдания, "исходившие из его души и совпадавшие с кошмарным диссонансом плача всех униженных и оскорбленных". И далее: "Я не слышу музыки. Днем и ночью мне слышны стоны истерзанных людей"⁷⁹. "Россия радикальна, – записывал Шолль, – ее можно любить или ненавидеть, и война порождает противоречия, которые потрясают людей"⁸⁰. В письме к матери, помеченном "Россия, 24 августа 1942 г.": "И разве каждый час тысячекратно не распинают Христа?"⁸¹. Через полгода, на допросе он говорил об оккупационном режиме в России: "Я не мог себе представить, что такими методами можно вести мирную созидательную работу в Европе"⁸².

Шморелль был твердо убежден: "Здесь, в России, находится будущее человечества". После войны, писал он, "мир должен стать другим, более русским, и, если он не захочет или не сможет стать таким, его дни будут сочтены". Шморелль проецировал на Россию 40-х годов XX в. установки Достоевского о "всеотзывчивости", "всечеловечности" русского народа. Следуя идеям великого романиста, он писал: "Если сравнить современное русское население с современным немецким и французским, то можно прийти к поразительному выводу: насколько оно моложе, свежее и приятнее"⁸³. Об этом он размышлял накануне казни: "Наверное, народ имеет право встать во главе других народов и возглавить движение к всеобщему породнению всех наций – однако ни в коем случае не насильно! – лишь тогда, когда он познает освобождающее слово и ему добровольно последуют все народы, постигшие истину и уверовавшие в нее. Я уверен, что этим путем в конце концов произойдет породнение Европы и мира – путем братства и добровольного следования"⁸⁴.

Глубокие прозрения соседствовали у Шморелля с утопическими представлениями о России. Исходя из своего неприятия сталинского режима, Александр наивно полагал, что эту позицию разделяет большинство российского населения: "Странно, но все русские едины в своем мнении о большевизме: нет ничего на свете, что бы они ненавидели больше. И самое главное: даже если война закончится неудачно для Германии, большевизм никогда уже больше не вернется. Он уничтожен раз и навсегда, и русский народ, в равной степени рабочие и крестьяне, слишком ненавидят его"⁸⁵. Ту же мысль Александр высказывал во время допроса: "Моя любовь к русскому народу еще больше усилилась во время моего пребывания на Восточном фронте летом 1942 г., когда я собственными глазами увидел, что черты и характер русского народа не претерпели при большевизме больших изменений"⁸⁶.

Можно с уверенностью утверждать, что Шморелль установил в Гжатске контакты, о которых, возможно, даже не знали его друзья. (Или они предпочитали молчать?) Его не оставляли мысли о дезертирстве из германской армии. После его ареста в его записной книжке были найдены имена и адреса русских пленных (известно одно имя – Андреев). На допросе Шморелль показал, что он рассчитывал посетить русских после войны на их родине⁸⁷.

В архиве семьи Шмореллей сохранились письма Александра на русском языке, датированные ноябрем и декабрем 1942 г. и предназначенные неизвестным нам русским женщинам Вале и Нелли. Они были явно посвящены в замыслы Александра. Вот фрагменты из этих писем: "Пока я должен оставаться в Германии. Я смогу много тебе

⁷⁹ Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 125, 128.

⁸⁰ Ibid., S. 119.

⁸¹ Ibid., S. 108.

⁸² Widerstand in Deutschland 1933–1945. Ein historisches Lesebuch. München, 1997, S. 244.

⁸³ Цит. по: Moll Ch. Op. cit., S. 150.

⁸⁴ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, с. 95.

⁸⁵ Цит. по: Moll Ch. Op. cit., S. 150.

⁸⁶ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, с. 31–33.

⁸⁷ Там же, с. 77.

рассказать, когда мы увидимся вновь. Пока же еще рано об этом говорить" (адресовано Вале); "Несмотря на присутствие моего отца, которого я очень люблю, я не ощущаю себя здесь как дома. Меня тянет на родину. Только там, в России, я смогу почувствовать себя дома. Единственное, что утешает меня, – это то, что я знаю: это последнее Рождество, которое я праздную в чужой для меня стране, в одиночестве" (адресовано Нелли)⁸⁸. Были ли письма отправлены в Гжатск, дошли ли они по назначению?

Январем 1943 г. помечено еще одно письмо Шморелля, направленное невесте своего друга Губерта Фуртвенглера. Письмо, которое читается как наполненное горькой любовью стихотворение в прозе: "Рыбак, который сидит на берегу далеко-далеко, на моей родине, забросил удочку, и крючок впился прямо в мое сердце. Чем дальше я от родины, от моей страны, тем туже напряжена леска, тем сильнее боль в моей груди, тем заметнее моя тревога. Прощайте, люди, которых я полюбил. Прощайте, березы, леса и степи. Прощай, вечно свободный ветер. Прощай, моя далекая, богатая, свободная родина. Эти три месяца – они длились так долго – как целая жизнь. Это было самое прекрасное время моей жизни. Я переполнен воспоминаниями и надеждами на возвращение. Теперь уже навсегда. Мое сердце, мои мысли, моя душа – они остались там"⁸⁹.

О последних минутах прощания с Россией – запись в дневнике Графа: 4 ноября 1942 г. на железнодорожных путях в Бресте стычка с охранниками эшелона, перевозившего русских пленных. Мюнхенские студенты безуспешно пытались передать узникам сигареты⁹⁰.

"ПАВШИЕ ПОД СТАЛИНГРАДОМ ВЗЫВАЮТ К НАМ!"

Каким же был итог военно-полевой практики под Гжатском? Романтический образ России был в значительной степени вытеснен реальными представлениями о народе и стране, а эмоционально окрашенная тяга к русской культуре была органически дополнена ненавистью к нацистскому режиму, совершавшему преступления против народов Советского Союза. Шолль и его единомышленники отнюдь не отказались от моральной мотивации своих действий, но эта мотивация наполнилась теперь новым содержанием. По словам Г. Юбершера, недели, проведенные участниками "Белой розы" в России, придали "особый импульс" дальнейшей борьбе против гитлеровской диктатуры⁹¹.

Круг "Белой розы" расширился. Граф был посвящен в тайну листовок и готов к продолжению совместных усилий. После возвращения на родину был продолжен мучительно трудный поиск путей и средств борьбы против диктатуры. Свидетельство тому – фрагменты из писем Шолля близким друзьям: перед нами "огромная задача, которой посвящены все мои мысли" (22 ноября 1942 г.); мы находимся "на пороге самых неотложных задач" (6 декабря 1942 г.); "Я не могу собраться с мыслями, предстоит нечто, неизвестное прежде" (19 января 1943 г.)⁹².

Примерно в те же дни – последовательный ряд записей в дневнике Графа: "Мы долго сидим у Ганса... Несколько новых для меня идей"; "У Шоллей. Очень интересный разговор с Хубером. Мы еще долго были вместе"; "Допоздна с Гансом и Алексом. Мы пьем чай и коньяк, говорим друг с другом, планируем наши действия"; "Мы действительно начинаем работу, дело сдвинулось с мертвой точки"⁹³. К обсуждениям плана

⁸⁸ Цит. по: Храмов И.В. Указ. соч., с. 131, 135–136.

⁸⁹ Цит. по: Ziegler A. Die Demontage von "Halbgöttern". Sönke Zankels Biographien der "Weiße Rose". Eine kritische Stellungnahme. Schönaich, 2007, S.18–19.

⁹⁰ Vogel W. Op. cit., S. 91.

⁹¹ Ueberschär G. Die Vernehmungsprotokolle von Mitgliedern der Weißen Rose. – Sophie Scholl. Die letzten Tage. Frankfurt a.M., 2005, S. 350.

⁹² Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 335, 136, 286.

⁹³ Graf W. Op. cit., S. 84, 89, 99. В дневнике Графа содержатся сведения о прочитанных в эти дни произведениях русской литературы: "Кавказский пленник" Толстого, "Выстрел", "Станционный смотритель" и "Метель" Пушкина, "Белые ночи" Достоевского. – Ibid., S. 85–99.

действий были непосредственно привлечены студент-медик Кристоф Пробст (он продолжал обучение в Австрии, но часто наезжал в Мюнхен⁹⁴), профессор Курт Хубер и Софи Шолль, студентка биологического отделения Мюнхенского университета.

Новые листовки? Разумеется! Но необходимо резко увеличить их тираж, распространять их по всей стране, расширить сложившийся круг практических участников "Белой розы", установить контакты с антифашистами за пределами Мюнхена и Баварии. Все это грозило смертельным риском, но над Германией навис грозный призрак катастрофического поражения вермахта на берегах Волги.

Уже повсюду функционировал нацистский "миф о Сталинграде". Во второй половине сентября 1942 г. пресса по прямой команде Геббельса провозгласила Сталинград символическим воплощением перспектив войны и самого существования "третьего рейха". 8 ноября 1942 г., выступая в Мюнхене, Гитлер заявил, будто бы Сталинград – за исключением "нескольких небольших островков" – взят немецкими войсками. Слово "Сталинград" вплоть до середины января 1943 г. исчезло со страниц газет, термин "окружение" было запрещено употреблять. 16 января 1943 г. в военной сводке было сказано об "оборонительных боях против сил противника, нападающих со всех сторон". Был признан, таким образом, сам факт окружения армии Паулюса, а немцам отводилась роль защищающейся от нападения стороны⁹⁵.

Но германское общество было взбудоражено. В предназначенных только для нацистского руководства донесениях СД говорилось, что бои за Сталинград с конца августа 1942 г. находились в центре внимания большинства немцев, рассматривавших ожидаемое скорое падение города в качестве поворота в войне и возвращения солдат домой. Согласно данным, поступившим в начале ноября, "название города уже действовало подобно кошмару". Если настроение немцев оценивалось в начале января 1943 г. как "удовлетворительное", то чрезвычайно быстро наступила очередь иных формулировок: "скептически-выжидательное состояние", "глубокое потрясение", "четко выраженное уныние", "пораженческие настроения", "усталость от войны, нарастающая от недели к неделе". Секретная служба фиксировала нараставшее недоверие к официальным источникам информации, обвиняемым в "губительном обмане". Немцы, с тревогой докладывали осведомители, слушают иностранное радио, прежде всего московскую станцию, которая ежевечерне передает на немецком языке списки солдат и офицеров, взятых в плен под Сталинградом⁹⁶.

Между 27 и 29 января 1943 г., в те дни, когда была окончательно решена судьба 6-й германской армии, была подготовлена новая прокламация. Она была размножена на гектографе тиражом до 6 тыс. экземпляров (по другим данным – до 3 тыс.)⁹⁷. Листовку, кроме Мюнхена, рассылали по почтовым адресам десятка городов Германии и Австрии. Сложная система рассылки должна была сбить с толку нацистские сыскные службы. Часть тиража, когда закончились конверты и марки, была разложена в телефонных будках Мюнхена и Аугсбурга.

Романтическое имя "Белой розы" в новой ситуации уже не подходило. Опыт диктовал антифашистам: необходимо менять адресаты листовок и их лексику. Прокламация была издана от имени "Движения Сопротивления в Германии" и именовалась "Воззвание ко всем немцам!". Политическая программа, намеченная в первых четырех листовках, получила дальнейшее развитие.

"Война, – говорилось в новой прокламации, – определенно идет к концу... На востоке армии неудержимо откатываются назад, а на западе следует ожидать вторжения...

⁹⁴ Друзья стремились не вовлекать Пробста в активную подпольную работу: он был отцом двоих детей, его жена Герта ждала третьего ребенка, который родился вскоре после казни Кристофа.

⁹⁵ Wette W. Das Massensterben als "Heldenepos". Stalingrad als NS-Propaganda. – Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a.M., 1992, S. 44–48.

⁹⁶ Boberach H. Stimmungsschwung in der deutschen Bevölkerung. – Ibid., S. 62–63.

⁹⁷ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, с. 39–41.

С математической точностью можно утверждать, что Гитлер ведет немецкий народ в бездну. Гитлер не может выиграть войну, он может лишь затянуть ее. Его вина и вина его приспешников бесконечна. Справедливая кара все ближе". Какова же позиция немецкого народа? "Он ничего не видит, ничего не слышит и слепо следует за своими искусителями на верную гибель". "Война уже проиграна, – предупреждали авторы листовки, – и скоро наступит день ужасного, но справедливого суда над теми, кто был труслив и нерешителен". Поэтому необходимо вырвать корни войны, покончить с "империалистическим насильственным образом мышления", с "тупым прусским милитаризмом". Если же этого не произойдет, – в листовке прозвучали жуткие, но понятные каждому немцу слова, – "вас и ваших детей ожидает участь евреев". Что же касается будущего, то скорейшее поражение Германии приведет к введению свободы слова и свободы вероисповеданий, к утверждению "разумного социализма" как средства "избавления рабочих от роли униженных рабов", к "великодушному сотрудничеству европейских народов".

В листовке нет прямого указания на катастрофу под Сталинградом, но ее дыхание ощущается в каждом слове. Софи Шолль сказала на допросе в гестапо: "Мы были убеждены в том, что Германия проиграла войну и что каждая человеческая потеря, которую требует эта война, бессмысленна. И в особенности жертвы Сталинграда побудили нас что-то предпринять против бессмысленного кровопролития"⁹⁸. Ее старший брат, в свою очередь, показал: "Я понял, что после поражения на Востоке и нарастающего превосходства сил Англии и Америки победоносное окончание войны для нас стало невозможным. После мучительных раздумий я пришел к выводу, что существует только один путь к реализации европейской идеи, именно сокращение сроков войны"⁹⁹.

Официальное сообщение о гибели окруженной армии Паулюса было передано по германскому радио 3 февраля 1943 г. В Германии был объявлен государственный траур. Шморелль показывал на следствии: "В то время, как Шолль был очень угнетен событиями в Сталинграде, я, как симпатизирующий России, просто порадовался складывавшимся для русских положением на фронте"¹⁰⁰.

Шморелль и Шолль, горевшие подлинным нетерпением, решили не только подготовить новое воззвание, полностью посвященное урокам катастрофы под Сталинградом, но и пойти на отчаянный шаг – начать уличную агитацию. Ночами на здания, расположенные в центре Мюнхена, черной краской были нанесены надписи "Свобода!" и "Долой Гитлера!". Такого в баварской столице еще не бывало. Гестапо шло по следам подпольщиков, но выяснить ничего не удалось. Надписи появлялись вновь и вновь... Участники "Белой розы" надеялись, как говорил позднее на допросе в гестапо Шморелль, "обратиться к массе народа"¹⁰¹.

Но следующая, шестая (ставшая для "Белой розы" последней, предсмертной), листовка была адресована студентам и студенткам Мюнхенского университета. Почему круг ее потенциальных читателей был сознательно сужен? На 13 января 1943 г. было назначено общее собрание студентов и преподавателей в большом зале Немецкого музея. Явка была строго обязательна: выступал партийный чиновник высокого ранга – гаулейтер Верхней Баварии Гислер. Его речь вызвала открытое возмущение. И не только потому, что он – в обстановке ясного всем поражения под Сталинградом – говорил о "окончательной победе", но и потому, что нацистские лозунги перемежались площадными оскорблениями в адрес студенток. Гаулейтер призывал их не заботиться об учебе, а рожать детей "для фюрера". В зале возник шум, слушатели и слушательницы (невиданное дело!) стали перебивать оратора и покидать зал. Более двух десятков девушек было арестовано.

Шолль и его друзья полагали, что роковой момент наступил, что пришло едва ли не революционное время, что стало возможным получить поддержку со стороны разбу-

⁹⁸ Sophie Scholl. Die letzten Tage, S. 365.

⁹⁹ Widerstand in Deutschland 1933–1945. Ein historisches Lesebuch, S. 244.

¹⁰⁰ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, с. 43.

¹⁰¹ Там же, с. 51.

женной (так казалось) студенческой массы. Черновой вариант листовки по просьбе Шолля подготовил Курт Хубер, для которого катастрофа на Волге была подлинной трагедией. 4 февраля 1943 г. он завершил очередную лекцию рискованным призывом: "время разговоров прошло"¹⁰². В письме, нелегально переданном впоследствии из тюрьмы, он писал: "Удар, нанесенный под Сталинградом, стал моей судьбой"¹⁰³.

Обсуждение предварительного текста листовки прошло не гладко. Хубер, выступавший против режима с консервативных позиций, внес в свой проект положения, которые оказались неприемлемыми для его молодых товарищей. Речь шла о двух тезисах: об уничтожении русского большевизма "во всех его проявлениях" и о необходимости поддержки "прославленного вермахта". Видимо, Хубер полагал, что эти пассажи сделают текст более приемлемым для обработанных нацистской пропагандой немцев. Кроме того, он искренне считал, что преступления на оккупированных территориях СССР (о которых он прекрасно знал) совершаются карательными службами, но никак не армейскими солдатами и офицерами¹⁰⁴. Дискуссия кончилась размовкой. При распечатке тиража фразы, о которых шла речь, были удалены из окончательного текста¹⁰⁵.

"Наш народ потрясен гибелью людей под Сталинградом" – так начиналась прокламация. Солдаты, было сказано дальше, «были брошены на смерть, погублены ради "гениальной стратегии" ефрейтора двух мировых войн"¹⁰⁶». К студентам было обращен призыв прекратить идеологическое развращение юношей и девушек в высших учебных заведениях, которые нацисты предназначают не для науки, а для войны. Инцидент, произошедший 13 января 1943 г., трактовался как "начало борьбы за свободное самоопределение" молодежи. Необходимо "подняться ради мести и искупления, чтобы испепелить своих мучителей и построить новую, разумную Европу", "за свое будущее, за свободу и честь, за жизнь при государственном устройстве, основанном на моральной ответственности". Если этого не произойдет, говорилось в воззвании, "само имя немца будет покрыто позором". Урокам трагедии на Волге была посвящена заключительная часть листовки: "Березина и Сталинград пылают на востоке, павшие под Сталинградом взывают к нам!"¹⁰⁷.

Эта листовка, размноженная тиражом до 3 тыс. экземпляров, 16 и 17 февраля 1943 г. была разослана по мюнхенским городским адресам сначала в конвертах, а затем в виде сложенных листов. На следующий день, 18 февраля, Софи и Ганс решились на безрассудный поступок: они разложили пачки прокламаций перед учебными аудиториями "alma mater", а Софи разбросала несколько сот прокламаций в университетском холле¹⁰⁸. Последовал незамедлительный арест брата и сестры. Все выходы из университета были перекрыты. Каждый, у кого была листовка, обязан был ее отдать в руки гестаповскому агенту. Вслед за Гансом и Софи были схвачены Граф, Хубер, Пробст. Последним – 24 февраля – был доставлен в гестапо Шморелль. Из 1200 принесенных в здание университета листовок примерно 800 оказалось в руках гестаповцев.

¹⁰² Hochverrat? Die "Weiße Rose" und ihr Umfeld, S. 188.

¹⁰³ Bald D. Die "Weiße Rose". Von der Front in den Widerstand, S. 151.

¹⁰⁴ Миф о "чистом вермахте" и "грязных СС" продержался в германском общественном мнении около шести десятилетий и был поколеблен только под воздействием документальной выставки "Преступления вермахта" (1995–2004), вызвавшей значительный политический и научный резонанс.

¹⁰⁵ Huber W. "Stalingrad ist mein Schicksal geworden". Kurt Huber im Widerstand der "Weissen Rose". – "Wider die Kriegsmaschinerie", S.125–127; Sophie Scholl. Die letzten Tage, S. 56–57.

¹⁰⁶ Пародия на официальный титул Гитлера как "величайшего полководца всех времен".

¹⁰⁷ "Березина" – это указание на участие немецких солдат (в том числе добровольцев-студентов) в освободительной войне 1813 г. Шолль, Шморелль и их друзья напоминали соотечественникам о традиции совместной борьбы немцев и русских против наполеоновского ига. Эта традиция стала позднее одной из основ пропагандистской деятельности Национального комитета "Свободная Германия".

¹⁰⁸ В этот же день, 18 февраля 1943 г., Геббельс, выступая в берлинском дворце спорта, призвал немцев к "тотальной войне" против СССР и стран антигитлеровской коалиции.

Нацисты сбились с ног, предполагая наличие разветвленной подпольной организации. На столы Гитлера и Гимmlера немедленно легли соответствующие рапорты. 17 февраля 1943 г. пятая и шестая листовки, а позднее и первые четыре прокламации, были переданы для экспертизы профессору-лингвисту Мюнхенского университета Р. Хардеру, которому было приказано составить "политико-социологический портрет" преступника. Хардер представил свое заключение на следующий день, указав на решительное отличие позднейших воззваний от тех, что были подписаны именем "Белая роза" и являлись, по его суждению, "романтичными по содержанию". Автором, полагал эксперт, является "одаренный интеллектуал", "человек, мастерски владеющий немецким языком и образцово продумавший содержание текста". "Он точно знает, чего он хочет, он располагает детальными познаниями. Это немец, никак не эмигрант, – немец, который был участником политических событий в Германии на протяжении долгого времени". Вывод был вполне определенным: "Даже если тональность текста связана не только с ожесточением одиночки, но с установками политически активной группы, язык листовки чересчур абстрактен для того, чтобы найти (как стремится автор) отклик в широких кругах рабочих и солдат"¹⁰⁹.

Хардеру удалось, хотел от этого или нет, уловить главную тенденцию последнего этапа деятельности "Белой розы" – попытку обращения к широким слоям населения в условиях кризиса, вызванного катастрофой под Сталинградом. Дело было не только в лексике. Заслуживает внимания мнение историка М. Мессершмидта: "Причиной повышенной нервозности партийного руководства было не только совпадение по времени с последствиями поражения под Сталинградом, но, прежде всего, новая интонация листовок, которые призывали немцев к действиям против нацистской системы"¹¹⁰.

При обыске у Шолля был обнаружен рукописный проект седьмой прокламации, написанный Кристофом Пробстом и также посвященный уроку сталинградской трагедии: "Сегодня вся Германия окружена – так, как были окружены войска под Сталинградом. Неужели все немцы будут принесены в жертву ненависти и жажде истребления? В жертву тем, кто истязал до смерти евреев, кто наполовину разорил Польшу, кто стремился уничтожить Россию. Тем, кто похитил у вас свободу, мир, семейное счастье и надежды. Этого не должно быть, этого не может быть! Гитлер и его режим должны пасть, чтобы жила Германия"¹¹¹. Набросок листовки стоил Пробсту жизни.

Суд, который проходил под председательством экстренно вызванного из Берлина нацистского душегуба Фрайслера¹¹², был молниеносным. 22 февраля 1943 г. по обвинению в государственной измене к смерти были приговорены Софи Шолль, Ганс Шолль и Кристоф Пробст. В тот же день они были обезглавлены. 19 апреля перед Фрайслером предстали Александр Шморелль, Вилли Граф и Курт Хубер. Шморелль и Хубер были казнены 13 июля, Граф – 12 октября 1943 г.

На просьбе о помиловании, направленной родственниками Шморелля, рейхсфюрер СС Гимmlер наложил следующую резолюцию: "Недостойные деяния Александра Шморелля, которые, вне всякого сомнения, в значительной степени обусловлены присутствием русской крови, заслуживают справедливого наказания"¹¹³.

Прощаясь с жизнью, Александр прощался с Россией. Священник тайком вынес из камеры смертников письмо, предназначенное его подруге. Текст был написан по-русски, с соблюдением старой орфографии: "Милая Нелли! Раньше, чем мы все думали, мне было суждено бросить земную жизнь. Мы с Ваней¹¹⁴ и другими работали против

¹⁰⁹ Полный текст экспертного заключения см.: Hochverrat? Die "Weiße Rose" und ihr Umfeld, S. 209–215.

¹¹⁰ Messerschmidt M. Vier Soldaten der "Weissen Rose" vom Volksgericht verurteilt. – "Wider die Kriegsmaschinerie", S. 169.

¹¹¹ Факсимильную копию документа из следственного дела Пробста см.: "... damit Deutschland weiterlebt". Christoph Probst 1919–1943. Gilching, 2000, S. 110–111.

¹¹² Председатель "народного суда" Фрайслер с августа 1942 г. по февраль 1945 г. вынес 2295 смертных приговоров. – Sophie Scholl. Die letzten Tage, S. 154.

¹¹³ Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, с. 145.

¹¹⁴ Шморель назвал Ганса русским именем.

немецкого правительства, нас поймали и приговорили к смерти. Пишу тебе из тюрьмы. Часто, часто я вспоминаю Гжатск! И почему я тогда не остался в России?! Но всё это воля Божия. В загробной вечной жизни мы вновь встретимся! Прощай, милая Нелли! И помолись за меня! Твой Саша. Всё за Россию!!!"¹¹⁵.

"РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВДИВОЙ КАРТИНЫ ПРОШЛОГО"

Деятельность небольшой группы мюнхенской антинацистской молодежи, продолжавшаяся менее восьми месяцев, закончилась трагически. Участники "Белой розы" – вопреки их ожиданиям – остались в полной изоляции. Фрайслер, Гислер и другие палачи могли рапортовать Гитлеру и Гиммлеру о победе над кучкой студентов, преступивших через законы нацистской "народной общности". 22 февраля 1943 г., в тот день, когда в мюнхенской тюрьме Штадельхайм уже работала гильотина, в университетской "auditorium maximum" проходило массовое собрание. Студенты послушно и вернопопданно, с пением патриотических песен, с поднятием рук в фашистском приветствии, одобрили расправу над своими товарищами. Это были те самые девушки и парни, которые пять недель назад устроили обструкцию нацистскому гаулейтеру. Страх сковал их души.

Собственно, этого и добивались – в масштабах рейха – нацистские бонзы: посредством ужесточения террора не допустить утраты контроля над общественным настроением, начавшим было принимать другой оборот под воздействием катастрофы на Волге. Отсюда – особое внимание нацистской верхушки к процессу "Белой розы", отсюда – судорожная спешка в вынесении приговора Софи Шолль, Гансу Шоллю и Кристофу Пробсту. Экзекуция, о которой было широко оповещено, стала частью пропагандистской кампании "тотальной войны", направленной на мобилизацию всех ресурсов и устрашение населения¹¹⁶.

Правящая верхушка рейха была охвачена панической боязнью повторения событий ноября 1918 г., связанных с военным крахом империи и сменой политического устройства Германии. Возможность такого развития ситуации осознавалась участниками "Белой розы". На вопрос следователя "Что вы думаете о характере ваших листовок?" Шолль ответил: "Содержание этой агитации подобно той, с которой выступали революционеры в 1918 г."¹¹⁷. В подписанном Фрайслером приговоре по делу Шолля и его друзей содержалось прямое указание на господствовавшую после Первой мировой войны пропагандистскую легенду об "ударе ножом в спину": действия подсудимых "обнажают кинжал, направленный против сражающейся армии... Если по отношению к подобным действиям не будет применена смертная казнь, то это станет началом цепочки событий, которые однажды уже завершились 1918-м годом"¹¹⁸.

Мюнхенские студенты не принадлежали и не могли принадлежать – в силу возраста – ни к одному течению, унаследованному от Веймарской республики. Их нельзя причислить ни к правым, ни к левым. Политические убеждения отдельных участников группы не всегда совпадали, распространявшиеся ею документы были результатом диалога. Именно это является основанием для того, чтобы "представить и признать германское Сопротивление во всем его многообразии и глубине"¹¹⁹ – наряду с "Красной капеллой", с нелегальными группами КПГ в Берлине и в Рурской области, с движением 20 июля 1944 г., с Национальным комитетом "Свободная Германия".

¹¹⁵ Факсимильную копию письма см: *Храмов И.В.* Указ. соч., с. 184.

¹¹⁶ Казнь на гильотине Ганса Шолля, Софи Шолль и Пробста состоялась ровно через два месяца после казни 11 участников "Красной капеллы" (в том числе трех женщин), свершившейся 22 декабря 1942 г. Гитлер приказал повесить их на крюках, предназначенных для разделки мяса.

¹¹⁷ *Bald D.* Die "Weiße Rose". Von der Front in den Widerstand, S. 21.

¹¹⁸ Текст приговора см.: *Scholl I.* Op. cit., S. 105–108.

¹¹⁹ *Steinbach P.* Widerstand im Widerstreit. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. Paderborn, 1994, S. 19.

"Белая роза" была первой антинацистской организацией на территории рейха, получившей широкую международную известность. 14 и 21 апреля 1943 г. советская газета "Правда" сообщила о подвиге и гибели участников "Белой розы". 25 июня 1943 г. знаменитый писатель Томас Манн посвятил их памяти выступление по британскому радио. В июле траурное воззвание было опубликовано Национальным комитетом "Свободная Германия". В августе 1943 г. самолеты союзной авиации разбрасывали над городами германского рейха копии последней листовки мюнхенских антифашистов.

Установки "Белой розы", основанные на гуманистических идеалах, опередили не только свое время, но и целую эпоху. Шолль и его товарищи едва ли не первыми в рамках германского Сопrotивления открыто и совестливо сказали о национальной вине и национальной ответственности немцев за преступления, совершенные против народов Советского Союза. Эту проблему, чересчур болезненную для большинства их соотечественников, не хотели, не решались упоминать многие деятели германской военной оппозиции. Шолль и его друзья последовательно и убежденно выступали за взаимопонимание между немцами и русскими, за новые отношения между Германией и Россией, которые должны сложиться после войны.

Выдающийся немецкий писатель Вальтер Йенс дал такую характеристику Вилли Графу: "Конечно же, он был романтиком – с его мечтой о России, уходящей во времена его странствий по Европе и по Германии, с его молодежными песнями прежних лет... Но отнюдь не фантазером, напротив, он был реалистом"¹²⁰. Эти слова в полной мере относятся к соратникам Графа. Участники "Белой розы" не были фанатиками-заговорщиками, мечтавшими умереть на эшафоте. Мы видим в их мыслях и поступках, в трансформации их мировосприятия уникальное сочетание юношеского романтизма и зрелого политического прагматизма. Они были неповторимыми личностями, щедро одаренными природой, они умели смеяться, крепко дружить, любить и быть любимыми. Может быть, поэтому они столь люто ненавидели нацистскую систему.

Современная историография "Белой розы" выходит в наши дни на рубеж объективного, непредвзятого исследования, становясь частью российско-германского культурного диалога. Начиная с 1999 г. в нашей стране демонстрируется подготовленная фондом "Белая роза" и фондом "Евразия" (Оренбург) передвижная документальная выставка. Куратором выставки является Винфрид Фогель – бригадный генерал бундесвера в отставке, вице-президент совета фонда "Белая роза", автор первого в ФРГ биографического очерка о Шморелле.

В 2007 г. архиерейский собор Русской православной церкви за рубежом причислил Александра Шморелля к лику местночтимых святых Германской православной епархии¹²¹. Александр хотел быть погребенным на родине. Несколько горстей оренбургской земли были торжественно освящены в православном храме и переданы его родственникам, которые посыпали русской землей его могилу на мюнхенском кладбище "Ам Перлахер Форст".

Инга Шолль вспоминала о состоявшемся в декабре 1942 г. разговоре с братом: "Он сказал, что в высшей степени рад оказывать помощь больным людям и искренне любит эту профессию. Но если после войны никто не рискнет посвятить себя подлинной истории времени национал-социализма, то он готов переквалифицироваться и заняться реконструкцией правдивой картины прошлого"¹²². Исследователи, которые находятся в поиске новых подходов к проблематике германского Сопrotивления, к деятельности "Белой розы", исполняют завет Ганса Шолля.

¹²⁰ Jens W. " ... weiter tragen, was wir gewonnen haben". – Graf W. Op. cit., S. 12.

¹²¹ <http://www.gocor.de/Roka/heilige.html>. Папа Иоанн Павел II провозгласил мучениками за веру католиков Графа, Хубера и Пробста. – Zeugen für Christus. Der deutsche Martyrologium des 20. Jahrhunderts, Bd. 1. Paderborn, 1999.

¹²² Scholl H., Scholl S. Op. cit., S. 336–337.